2. Выступление директора ФСКН России В. П. Иванова на пленарном заседании 56-й сессии Комиссии ООН по наркотическим средствам, 11 мар. 2013 г., Вена [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusmission.org/15/1/2535>. – Дата доступа: 13.12.2014.

3. Наркоугроза: фактор 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ritmearasia.org/news--2014-02-26--narkougroza-faktor-2014-goda-11534> – Дата доступа: 13.12.2014.

4. Барановский, Н. А. Социологический мониторинг антиобщественных явлений в системе обеспечения национальной безопасности в социальной сфере / Н. А. Барановский // Социологический альманах. – 2014. – № 5. – С. 435–445.

5. Рущенко, И. П. Количественные измерения динамики и структурных характеристик процесса распространения наркотиков (методология, методика и результаты исследований) [Электронный ресурс] / И. П. Рущенко. – Режим доступа: <http://www.psychiatry.ua/books/drugs/paper02.htm>. – Дата доступа: 17.12.2014.

6. Совещание по вопросам противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/coveschanie-po-voprosam-protivodejstviya-nezakonnomu-oborotu-narkoticheskix-sredstv-10335/. – Дата доступа: 13.12.2014.

(Дата подачи: 19.02.2015 г.)

А. Н. Городниченко

Военная академия Республики Беларусь, Минск

A. Gorodnichenko

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 323+355.013

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ЛИДЕРСТВА США

FOREIGN POLICY LEADERSHIP FROM THE UNITED STATES

Статья посвящена политическому анализу механизма реализации внешнеполитической стратегии США в современных войнах и военных конфликтах. Определяется место военно-силового фактора во внешнеполитической стратегии лидерства США. Приводится анализ ключевых моментов внешнеполитической стратегии лидерства США.

Ключевые слова: внешняя политика; внешнеполитическая стратегия лидерства; война; военные конфликты; национальная безопасность.

The article is devoted to the political analysis of the mechanism of realization of the foreign policy of the USA in modern wars and military conflicts. Defines the place of military power factor in the foreign policy leadership of the United States. The analysis of the key moments of the foreign policy leadership of the United States.

Key words: foreign policy; foreign policy leadership strategy; war; military conflicts; national security.

Приоритет национальных интересов и стремление государств обеспечить собственную безопасность посредством наращивания силы зачастую становились основной причиной постоянной многовековой конфликтности. Не изменилась ситуация и после окончания «холодной войны». Более того, на повестку дня вышла проблема формирования нового мирового порядка,

которая и является причиной военных конфликтов в современных условиях. В этом контексте реализация внешнеполитической стратегии государства приобретает свои особенности с учетом имеющейся военной мощи, географии, потенциала и политических амбиций.

В результате развала Советского Союза наметились контуры однополярного мира, на роль лидера в котором стали претендовать, прежде всего, США. Это государство позиционировало себя в качестве глобального лидера в области распространения либеральной демократии, политической свободы и рыночной экономики. Отдельные западные аналитики, исходя из концепции гегемониальной стабильности, поспешили заявить, что субъективное стремление США к глобальному лидерству в условиях нарушения существовавшего ранее баланса сил не противоречит объективным тенденциям глобализации. Наличие такого государства-гегемона является необходимым условием устойчивости международных отношений, формирования нового политического и экономического порядка.

Все эти претензии подкреплялись безусловной военно-экономической мощью. Зб. Бжезинский, один из основных кузнецов американской внешней политики, отмечал, что «в результате краха соперника Соединенные Штаты оказались в уникальном положении: они стали первой и единственной мировой державой» и «даже когда превосходство США начнет уменьшаться, маловероятно, что какое-либо государство сможет добиться того мирового превосходства, которое в настоящее время имеют США» [1, с. 200].

Окончание «холодной войны» обозначило новые грани внешнеполитической стратегии лидерства США. Позиционирование в качестве абсолютного лидера на мировой арене с опорой именно на военную мощь обусловлено рядом факторов.

Одним из таких факторов является попытка урегулирования внутренних вопросов через внешнюю политику. Внутренние проблемы, которые раньше скрывались за внешней угрозой, все острее стали напоминать о себе. Устранение «внешнего врага» ослабило значимость национальной идентичности США по сравнению с субнациональными либо транснациональными. Еще в 1996 г. профессором П. Петерсоном было отмечено, что окончание «холодной войны» приведет среди прочего «к размыванию национальных интересов, избавит многих от желания жертвовать собой во имя страны, снизит доверие к правительству, ослабит приверженность нации и потребность в профессиональном политическом руководстве». В отсутствии внешнего врага интересы личности непременно встанут над интересами общества [2, с. 5].

Осознание того, что отсутствие значимой внешней угрозы уменьшает потребность в сильном государстве, национальном правительстве и единстве нации, лишая морального права вмешиваться во внутренние дела других государств и диктовать им «правильный курс», обусловило поиск новой угрозы, которая позволит загнать данные проблемы в рамки приоритета государственных интересов и национальной безопасности.

Американская пропаганда настойчиво пыталась сформировать образ «нового врага». Идеальным врагом Америки, по мнению С. Хантингтона, следует считать общество, отличающееся от США расово и культурно, исповедующие идеологию, которая противоречит американской, и достаточно сильное в военном отношении, чтобы представлять собой угрозу американской безопасности [3, с. 410–411]. Диктатуры наподобие С. Милошевича и С. Хусейна демонизировались американской пропагандой, называвшей их убийцами и истребителями собственных народов, однако никто из них не мог встать рядом с А. Гитлером, И. Сталиным и даже Л. Брежневым в качестве олицетворения угрозы американским ценностям и национальной безопасности США. Отсюда и обращение к более расплывчатым сущностям – «государствам-изгоям», террористам и наркомафии – и к потенциально катастрофическим процессам – распространению ядерного оружия, кибертерроризму и «асимметричному вооружению». Советскую угрозу и защиту от коммунистической агрессии постепенно сменила война с наркотерроризмом. Потом появились «государства-изгои», «несостоявшиеся государства», «ось зла» и, наконец, доктрина «упреждающей самозащиты», которая позволяет прибегать к силе по своему усмотрению.

Провозгласив весь мир сферой своих национальных интересов, США поспешили идентифицировать врагов нового мирового порядка в XXI веке. Ими названы «государства-изгои», «несостоявшиеся государства» (в зависимости от критериев в эту группу включают от 20 до 50 государств), всемирная наркомафия, ваххабизм, воинствующий ислам, 36 террористических организаций (Аль-Каида, Исламский джихад, Хезболла, Хамас), государства, спонсирующие терроризм (7 стран). В «ось зла» зачислили в 2002 году Ирак, Иран и Северную Корею, Кубу, Беларусь. Полномасштабной угрозой для Америки являются Судан, Ливия, Афганистан, а так же Китай и Индия по причине их быстрого экономического роста. Постоянно напоминают о себе противоречия с Европой, которая после образования Евросоюза (1992 г.) и введения единой европейской валюты (2002 г.) стала претендовать на роль самостоятельного субъекта мировой политики и строительство европейских структур безопасности. Беспокоит «коварная» Россия, которую не всегда устраивает роль стратегического партнера Америки [3, с. 78].

Таким образом, во внешнеполитической стратегии лидерства США война начинает рассматриваться как средство формирования национального сознания у жителей государства. Необходимость осуществлять важнейшую функцию государства, защиту нации, оправдывает укрепление авторитарности власти и создания вооруженных сил, бюрократии и эффективной налоговой системы.

Еще одним фактором, определяющим приоритет военной силы во внешней политике США, является конкуренция мировых центров силы. Необходимо отметить, что стремление США установить однополюсный мировой порядок объективно вступает в противоречие с ростом геополитической са-

мостоятельности интегрирующейся Европы и усиление ее влияния в других регионах мира. С этим связано постоянное присутствие и посредническая роль Вашингтона в европейской политике, инструментами которой служат в основном структуры НАТО и особые отношения с отдельными европейскими странами, стратегическими партнерами США.

Завязка проблем европейской безопасности на роли НАТО вовсе не случайна, как и сохранение разногласий между европейскими странами-членами блока по поводу его трансформации. Их периодическому обострению и появлению новых инициатив в немалой степени способствуют тенденции гегемонии в политике США. Стремление Вашингтона к принятию единоличных решений, односторонним действиям и игнорирование интересов союзников наталкивается на все более серьезное противодействие.

Причины противоречий между ЕС и США не сводятся исключительно к проблеме доминирования в НАТО. Даже сегодня американское военное присутствие в Европе, по мнению большинства европейских аналитиков, является важнейшей гарантией безопасности континента перед лицом существующих и потенциальных угроз. Эти причины имеют более принципиальный характер и связаны с различными подходами к оценке перспектив формирования нового мирового порядка на принципах однополярности либо многополярности.

Сама идея объединения европейских стран и формирования Европейского Союза во имя общих интересов и безопасности связана с возможностью создания многополярного мира и превращения европейского сообщества в один из важных центров силы. Перспективы подобного развития ситуации не устраивают руководство США. Различия во взглядах обострились в связи с разработкой после событий 11 сентября новой стратегии национальной безопасности США и практикой ее реализации в Ираке и Афганистане. Разногласия между США и рядом европейских государств (Германия, Франция) повлекли за собой фактический раскол в НАТО и Европейском Союзе. Катализатором такой ситуации стала разработка Европейской стратегии безопасности [4].

Разногласия сторон связаны с различным пониманием силы и ее применения в международных отношениях. Риторика однополярной стратегии США излишне заиклена на роли силовых методов в выстраивании отношений с остальным миром. Поэтому благотворная гегемония, смена режимов, превентивные войны, скепсис в отношении возможностей международного права и международных институтов в решении проблем безопасности вызвали рост антиамериканских настроений.

Европейские правительства предпочитают другой путь, пытаясь презентовать себя перед современным миром как сообщество государств не склонных к экспансии и доминированию на каком-либо пространстве, кроме своего собственного. Меняющийся характер современных войн и военных конфликтов, безрезультативность военно-силовых подходов в решении

современных проблем побудили европейских лидеров разработать свой «европейский способ ведения войн».

Признавая несомненные достоинства и преимущества американской военной машины, аналитики обращают одновременно внимание на особенности ее использования в войнах и военных конфликтах. Стратегия и тактика не отличается особой оригинальностью. Вооруженные силы США после провала войны во Вьетнаме всячески избегают полного поражения. Предпочитают при возможности вести войну чужими руками (Никарагуа, Камбоджа, Ангола, Афганистан). С большим воодушевлением участвуют в войнах со слабым противником (Гренада, Панама). Пытаются быстро одолеть противника, обрушившись на него всей мощью и отойти на исходные позиции (доктрина К. Пауэлла). Ведут военные действия преимущественно с воздуха, где имеют абсолютное превосходство. Не желают рисковать жизнью своих солдат в сомнительных, по их мнению, зарубежных полицейских операциях. При этом исключительно невнимательны к положению жертв агрессии и местного населения. Чаще всего не имеют сил, средств и большого желания заниматься проблемами преобразований в оккупированных странах.

В таких условиях возвышенная риторика, которая всегда была характерна для американского истеблишмента, послужила для морального оправдания нового внешнеполитического курса и прикрытием для чисто силовой политики создания Pax Americana в соответствии с собственными геополитическими интересами. В качестве примера использовался исторический опыт британской гегемонии в XIX веке, который неслучайно получил название Pax Britannica. Благодаря этой гегемонии удалось снизить соперничество и войны между государствами за обладание ресурсами, обеспечить в течение целого столетия период относительного мира. При этом ничего не упоминается о бесконечных войнах, которые вела сама Великобритания, открывая пути для западного влияния, торговли и инвестиций в колониальных странах. По некоторым подсчетам, за период 1837–1900 гг. в Азии и Африке она провела 72 колониальные войны и военные кампании [5, с. 153].

Америка во многом повторила подобный сценарий развития событий. Исследования и расчеты, проведенные зарубежными экспертами, показывают, что с целью установления мировой гегемонии и для демонстрации военной мощи США в угоду своим корпорациям вмешивались в дела 50 стран свыше 130 раз с момента своего первого вторжения в Аргентину в 1890 году [6, с. 120].

На основе такого богатого опыта идея лидерства США была оформлена в соответствующие военно-политические установки и планы. При этом войны и военные конфликты стали рассматриваться не только как средство сохранения своей, но и как средство разрушения чужой государственности. Уже администрация президента Б. Клинтона ввела в политический лексикон понятие «расширение зоны рыночной демократии». Оно в концентрированном виде выражало глобальную активность американской политики

в новых геополитических условиях для получения дополнительных стратегических преимуществ. Экспансионистская сущность доктрины Б. Клинтона стала ясной после его заявлений о том, что США имеют право прибегать «к применению силы в одностороннем порядке» для обеспечения «беспрепятственного доступа к ключевым рынкам, источникам энергии и стратегическим ресурсам» [7, с. 135]. Все расчеты по реализации этого плана были связаны с фактором военной мощи.

Чуть позже на высшем политическом уровне была оглашена идея «глобальной демократической революции». Она включала в себя три взаимосвязанные концепции: «смены режимов», «демократизации» и «превентивных действий». Первые две давали политическое, а третья – военное обоснование односторонних действий во имя национальной безопасности США. В них утверждалось, что все правительства, противопоставляя себя мировому сообществу и американским интересам, подлежат замене. Смена режимов при помощи военной машины и интервенции должна привести к созданию нового типа государственного устройства в соответствии с американскими представлениями о форме демократического правления. Стратегия демократизации будет использоваться не только в ответ на угрозы со стороны других государств. Она может быть реализована даже из профилактических соображений, в связи с появлением подозрений о наличии злых и опасных умыслов.

Сценарии «войн за демократию» со стороны США не отличались особым разнообразием. Повод для них всегда находили благовидный, чтобы влиять на общественное мнение внутри собственной страны и заручиться поддержкой со стороны мирового сообщества. Особое внимание обращалось на формирование широких международных военных коалиций, что, по мнению американских стратегов, обеспечивает большую легитимность военных операций. Первый опыт был приобретен в войне в Персидском заливе (1991 г.), в результате которой Ирак наказали за агрессию против Кувейта. Далее последовала «интервенция» НАТО против Югославии, вытеснение сил сербов из Края Косово (1999 г.). Поводом для воздушных бомбардировок Афганистана и вмешательства в его внутренние дела стала борьба против движения Талибан и свержение его режима в 2001 году. Новая военная операция против Ирака (2003 г.) формально преследовала цели борьбы против распространения оружия массового уничтожения, разработками которого якобы занималось это государство в обход международных санкций.

Впрочем, это далеко не полный перечень поводов для подобных «контр-террористических операций». Такое новое определение военных конфликтов прочно вошло в обиход после событий 11 сентября 2001 года. В военной сфере и в средствах массовой информации США для определения содержания этих военных операций часто используются такие названия, как «война с исламофашизмом», «война против стран третьего мира»,

«война поколений». При этом подчеркивается, что это войны нового типа эпохи глобализации, рассчитанные на целый исторический период.

Важное место во внешнеполитической стратегии США занимает и «гуманитарная интервенция». Однако вопрос о легитимности вмешательства в дела суверенного государства заставил США пойти еще дальше. В итоге, гуманитарная интервенция была преобразована в концепцию «ответственности по защите».

Названия действительно поменялись. Однако военная политика и стратегия не содержит ничего принципиально нового. Так, изучив историю государственных переворотов с участием вооруженных сил США, начиная с Гавайев (1893 г.) и заканчивая Ираком (2003 г.), американский журналист С. Кинзер в своей книге «Переворот» вывел определенный алгоритм в действиях американских политиков. Первый этап этого процесса связан с определением существующей или мнимой угрозы американским транснациональным корпорациям со стороны иностранного правительства. На втором этапе эти проблемы корпораций воспринимаются политиками как нападение на США. В ходе третьего этапа политики убеждают общество, что необходимо вмешаться. Чаще всего используется образ борьбы добра против зла. Вмешательство во внутренние дела другого государства преподносится как «возможность освободить бедный и угнетенный народ от жестокого режима, который считают диктаторским, потому что какой же еще режим будет ставить под угрозу американские компании» [8, с. 403–404].

По словам ведущего социального философа Америки XX века Д. Дьюи «политика – это тень, которую большой бизнес отбрасывает на общество». Однако не стоит, очевидно, снимать ответственности и с самих политиков, которым принадлежит ключевая роль в механизмах государственно-корпоративной системы. Они часто не менее изобретательны в поисках врагов США и оправдания интервенции, которая остается основным средством самых сильных государств в борьбе против слабых стран. «Выраженная преемственность» в деятельности всех американских администраций после окончания «холодной войны», по мнению Н. Хомского, проявляется в серии доктрин продвижения американских интересов в мире, которые похожи, как близнецы, по содержанию и способам реализации.

Использование подобной стратегии и тактики с неизбежностью втягивает мир в полосу затяжных конфликтов. В период «холодной войны» войны и военные конфликты имели в основном региональный характер и протекали под «присмотром» сверхдержав. В настоящее время наблюдается постепенное перемещение межгосударственных конфликтов на внутригосударственный уровень. Однако они обычно втягивают в свою орбиту многие другие страны, что придает им международный характер. Многие международные конфликты спровоцированы внутривнутриполитической ситуацией в отдельных государствах.

Размывание различий между внутренними и внешними конфликтами, расплывчатость значения терминов и критериев оценки политических игроков особо никого не беспокоит. Более того, это используется американской администрацией в политико-идеологических целях для реализации различных политических, экономических и военных стратегий сдерживания своих существующих и потенциальных стратегических соперников. Цели внешней политики заключаются в том, чтобы помешать всякой враждебной силе доминировать в регионе богатым природными ресурсами, которые могут оказаться достаточными для превращения этой силы в глобальную. В начале нынешнего столетия крупнейший исследователь международных отношений Дж. Миршеймер приоткрыл секреты их достижения: «Соединенные Штаты на все пойдут... чтобы сдерживать Китай и подкосить его так же, как США подкосили имперскую Германию в Первой мировой войне, имперскую Японию во Второй мировой и Советский Союз во время “холодной войны”». Однако, по его мнению, «почти невозможно замедлить экономическое развитие Китая». Поэтому более эффективной стратегией будет создание Соединенными Штатами политической и военной «коалиции уравнивания», включающей Японию, Вьетнам, Корею, Индию и Россию. Соединенные Штаты тогда смогут поддерживать Россию в ее пограничных спорах с Китаем; а Японию – в споре с Китаем о морских транспортных путях или даже «начать войну от имени Тайваня» [5, с. 229]. Ярким примером тому может служить создание американской администрацией в 2007 г. Африканского командования США, которое призвано противостоять, прежде всего, растущему присутствию Китая в африканских странах.

Таким образом, опираясь исключительно на силу и принимая решения, идущие вразрез с мнением других членов мирового сообщества, США получили в ответ вполне предсказуемую реакцию. Появилось значительное количество государств готовых не только осуждать подобные односторонние действия Америки и их стратегических союзников, но и бороться против них всеми доступными средствами. Действуя по примеру развитых государств, отдельные правительства не намерены соблюдать те нормы и принципы международного права, которые мешают, по их мнению, обеспечению собственной безопасности. С этим связаны нарушения режима нераспространения ядерного оружия (Иран, Северная Корея), дальнейшее совершенствование ядерного потенциала (Индия, Пакистан), появление многочисленных ядерных нелегалов, прямые попытки овладения другими видами оружия массового уничтожения для демонстрации своей силы и могущества. В условиях недобросовестной деятельности транснациональных корпораций на рынках вооружений и существования «теневого рынка» расщепляющих материалов подобная перспектива вполне прогнозируема.

Разрушая военно-силовыми методами институт государства, США выпускают на свободу «джина», которого не могут контролировать. По мере устранения с международной арены суверенных государств, новыми субъ-

ектами современной военно-политической среды становятся сетевой терроризм, всемирное подполье, партизанские движения, пиратство, сепаратизм, экстремизм и религиозный фанатизм. Многомерность подобных конфликтов и «мятежных» субъектов выражается в том, что многие из них появились в свое время при поддержке развитых западных государств для ослабления своих потенциальных соперников в глобальном противостоянии. США и их европейские союзники оказывали материальную, моральную и военно-техническую поддержку деструктивным силам в Иране, Афганистане, на Кавказе, различного рода сепаратистским движениям в России, Украине, Грузии, Молдове и многих других странах и регионах.

Список использованных источников

1. Бжезинский, Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Зб. Бжезинский; пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2005. – 288 с.
2. Peterson, P. Some Political University, Center for International Affairs, Trilateral Workshop on Democracy, Memorandum, 23–25 September. – 1994. – P. 4–9.
3. Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской идентичности / С. Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. – М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2008. – 635 с.
4. The European strategy to safety [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.safety ES.com/strategy/nss.pdf>. – Date of access: 10. 12. 2014.
5. Арриги, Дж. Адам Смит в Пекине: что получил в наследство XXI век / Дж. Арриги; пер. с англ. Т. Б. Менская. – М.: Институт общественного проектирования, 2008. – 456 с.
6. За 121 год США вторгались в 50 стран 130 раз // Зарубежное военное обозрение. – 2014. – № 12. – С. 120.
7. Хомский, Н. Несостоятельные Штаты: злоупотребление властью и атака на демократию / Н. Хомский; пер с англ. В. Панова. – М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007. – 480 с.
8. Кляйн, Н. Доктрина шока / Н. Кляйн; пер. с англ. М. Завалов. – М.: Изд-во «Добрая книга», 2009. – 656 с.

(Дата подачи: 19. 02. 2015 г.)

В. А. Евстафьев

Полесский государственный университет, Пинск

V. Evstafyev

Polesky State University, Pinsk

УДК 331.109.38

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

THE PROBLEM OF POLITICAL PARTICIPATION OF YOUNG PEOPLE IN MODERN SCIENTIFIC LITERATURE

Предметом анализа стало отражение проблемы политического участия молодежи в научной литературе.

Рассмотрены особенности подходов к исследованию политического участия молодых людей в зарубежной и отечественной политической науке.

Анализ охватывает период с 50-х гг. прошлого века по настоящее время. В работе предпринята попытка охватить широкий круг историографических аспектов исследованной проблемы участия молодых людей в политической жизни общества.

Ключевые слова: политическое участие; молодежь; политическая активность; политическая субъектность молодежи.

The subject of the analysis was the recognition of the problem of political participation of young people in the scientific literature.

The features of approaches to the study of political participation of young people in foreign and domestic political science.

The analysis covers the period from 50-ies the last century to the present. In this paper we attempt to cover a wide range of historiographical aspects of research problems of participation of young people in the political life of society.

Key words: political participation; youth; political activity; political subjectivity youth.

Становление белорусской государственности, приоритеты обеспечения стабильного и поступательного социально-экономического и политического развития выдвигают на первый план задачу формирования молодых граждан страны как активных участников преобразовательных процессов в стране. В обществе одновременно с потребностью в профессионализме и высоком уровне специальной подготовки нового поколения активно нарастает запрос на его гражданственность и конструктивную политическую активность.

Важным аспектом формирования у молодежи устойчивых навыков политического участия в жизни общества выступает формирование комплексного и системного научного представления о природе этого социального феномена.

Проблема вовлечения человека в политику стала выделяться как самостоятельный предмет исследований в рамках политической науки с конца 50-х гг. прошлого века.

Начальный этап изучения процессов формирования отношения между человеком и сферой политики в послевоенный период связан с системным подходом, основы которого были заложены в работах американских политологов Д. Истонона, Дж. Денниса, Г. Алмонда и С. Вербы.

Одной из наиболее значимых политико-психологических концепций этого направления стала теория «политической поддержки», разработанная американскими исследователями Д. Истоном и Дж. Деннисом в 60-х гг. в русле общей теории системного анализа политики [1]. Согласно Д. Истонону, поддержка определяется как добровольное принятие индивидом политических целей, выражаемых в лояльности к политической системе и подчинение установленным системой правилам и нормам. Базовые ценности поддержки являются следствием политической социализации и остаются и принимают разнообразные формы лояльности к власти, доверия к государственным институтам, идентификации со своей страной, позитивных чувств, выражаемых к национальной символике.